

зйств”⁹. В 1928 учебном году в десяти районах Челябинского округа бесплатно участвовало в ликвидации неграмотности 195 учителей, обучили 13740 неграмотных¹⁰.

Таким образом, в 1920-е гг. правовое положение уральских учителей оставалось очень тяжёлым. Они вели жизнь трудную, без всякой уверенности в завтрашнем дне. Во многом сельские учителя зависели от прихоти сельской администрации и местных партийных органов. В данный период с нашей точки зрения они являлись одной из самых незащищённых в социально-правовом положении категорий граждан советского государства.

¹ См.: Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.). Свердловск, 1970; Гришанов П.В. Партийное руководство подготовкой и воспитанием учительских кадров в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926 – 1937). Саратов, 1983; и др.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 5. Д. 425. Л. 7.

³ Там же. Л. 7 об.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 441. Л. 26.

⁶ Там же.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 441. Л. 30.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 441. Л. 31.

М.В.Попов

Участие партийно-государственных органов и колхозов Урала в бытовом обслуживании крестьянства в 1930-е гг.

Одним из видов социальной работы является участие государства в бытовом обслуживании различных слоев населения. В 1930-е гг., создавая колхозы, в которые насильственно вовлекались крестьяне, большевистское руководство стремилось максимально обобществить быт колхозников. Поэтому государственные органы и правления колхозов по ряду направлений брали на себя организацию бытового обслуживания населения.

Большое влияние на изменение условий быта крестьян, прежде всего женщин, имела организация общественной выпечки и продажи хлебобулочных изделий. Затраты времени на выпечку хлеба непосредственно в каждой крестьянской семье, наряду с другой тяжелой домашней работой, были велики. Поэтому в первых коммунах, где делались попытки обобществить быт, организовывались, прежде всего, пекарни для выпечки хлеба, который распределялся между коммунарами. Например, весной 1930 г. общественные пекарни были организованы в ряде коммун Шадринского округа¹.

Однако до середины 1930-х гг. выпечка хлеба в сельской местности в основном осуществлялась в крестьянских семьях. Ситуация стала меняться, в частности, в связи с решениями ноябрьского (1934 г.) Пленума ЦК ВКП(б) о ликвидации карточной системы на хлеб и некоторые другие продукты. Там же указывалось на необходимость развития общественного хлебопечения и сети торговли печеным хлебом не только в городе, но и в сельской местности². В декабре 1934 – январе 1935 гг. на Урале областные комитеты партии наметили план строительства и оборудования хлебопекарен, в том числе в сельских районах³. Уже к началу 1935 г. хлебопекарни должны были открыться в райцентрах и в МТС. Одновременно было намечено расширить хлеботорговую сеть: например, в Свердловской области до 3276 торговых точек⁴, в Челябинской – до 1555 хлебных магазинов и ларьков⁵.

К марту 1936 г. в Свердловской области в райпотребсоюзах и сельпо имелось 394 хлебопекарни с суточной производительностью 479 тонн печеного хлеба; при хлебопекарнях в 42 районах было налажено бараночное производство с производительностью 19,8 тонн баранок в сутки⁶, в Удмуртии в 1935г. выпекали хлеб 50 сортов⁷.

Конечно, это было только начало, и во многих случаях хлеб даже в конце исследуемого периода выпекался непосредственно в крестьянских семьях, однако мероприятия, проведенные в то время, позволяли в определенной степени освободить женщину-крестьянку от тягот домашнего труда. По выборочным обследованиям бюджета времени колхозников Свердловской области, в первом квартале 1934г. в среднем одной женщиной в возрасте от 16 до 59 лет на выпечку хлеба и лепешек было затрачено 62,3 часа, а в четвертом квартале 1936г. – 46,9 часов⁸.

Одним из направлений бытового обслуживания населения, в том числе сельского, было развитие общественного питания. В деревне первые столовые возникли в коммунах и колхозах еще до начала массовой коллективизации. При этом с самого начала органи-

зация общественного питания имела цель не только изменить быт крестьян, но и высвободить время коммунаров и колхозников для того, чтобы они могли более производительнее трудиться в общественном производстве. Так, в одной из старейших на Урале коммун «Скневвар» (Мехонский район Уральской области) работала столовая, и женщины-коммунарки значительно меньше затрачивали времени на ведение домашнего хозяйства в период весенней и осенней полевой страды⁹.

С началом массовой коллективизации партийно-советское руководство и средства массовой информации и пропаганды заявляли о необходимости для обобществления быта крестьян создавать во вновь организованных кооперативах общественные столовые. Партийно-советские органы привлекали потребительскую кооперацию Урала для создания предприятий общественного питания.

Так, в октябре 1930 г. Уралобком ВКП(б) обязал Уралоблпотребсоюз наметить конкретный план организации предприятий общественного питания в деревне¹⁰. В 1930 г. органам потребкооперации Уральской области намечалось открыть сельские столовые в 118 районах. Для контроля за выполнением этого плана в сельские районы было направлено 18 проверочных бригад. Для обеспечения столовых необходимым оборудованием был проведен месячник сбора инвентаря и посуды среди колхозников, и в начале 1931 г. в Уральской области имелось (по неполным данным) 200 совнархозных столовых, 39 столовых МТС и 591 колхозная столовая¹¹. В Башкирии в сельской местности в этом же году функционировали 193 столовые, в Удмуртии – 53 учреждения общественного питания¹².

Сельские столовые были в то время примитивными, помещались, главным образом, в обычных крестьянских избах, а то и в сараях, не имели специального оборудования. По выборочным сведениям, в Уральской области в сентябре 1930 г. из 117 деревенских столовых только 38 находились в специальных помещениях¹³.

Поэтому их функционирование не могло серьезно повлиять на изменение бытового уклада сельского населения – подавляющая масса крестьян продолжала питаться в семьях. Лишь во время уборочной и посевной кампании колхозники пользовались услугами предприятий общественного питания – пунктами питания. Например, в конце сентября 1932 г. в 87 районах Уральской области было организовано 7760 полевых столовых, в которых могли получать питание 42,5 тыс. колхозников¹⁴. Специально оборудованные стационарные столовые в сельской местности создавались, главным образом, при МТС и совнархозах. В 1932 г. в Уральской области

разом, при МТС и совнархозах. В 1932 г. в Уральской области было намечено построить 60 специальных помещений для столовых¹⁵.

Во второй половине 1930-х гг. в крупных селах открылись чайные, закусовые и рестораны. Так, Свердловский областной комитет партии в октябре 1936 г. принял решение открыть сельские рестораны и чайные в 37 районах¹⁶. Сельские рестораны и чайные были местом, где крестьяне могли провести досуг: слушать радио, танцевать под патефон, поэтому на оборудование этих заведений выделялись значительные средства. Свердловским облпотребсоюзом в конце 1936 г. на оборудование таких учреждений общественного питания было отчислено 371,2 тыс. руб.¹⁷.

В ряде случаев сельские чайные и рестораны не отличались от подобных заведений в городе. Так, в селе Ляпуново (Краснополянский район) чайная была оборудована в большом помещении, на окнах висели шторы, на столах лежали белоснежные скатерти, меню состояло из 15 блюд. Эта чайная «охотно посещается трактористами, шоферами, колхозниками, работниками МТС и учителями», писала Свердловская газета «Колхозный путь» в сентябре 1937 г.¹⁸ В 1940 г. в Свердловской, Пермской (Молотовской) и Челябинской областях в сельской местности было 916 столовых и ресторанов и 389 буфетов, закусовых и кафе¹⁹.

В 1930-е гг. во время полевых работ стали создаваться полевые станы, где колхозники не только принимали пищу, но и могли отдохнуть, помыться, почитать газеты и журналы, послушать радио и т.п. Характерно, что руководили созданием полевых станов партийные органы самого высокого ранга. Решения об организации полевых станов, об их количестве выносились на пленумах и бюро областных комитетов партии²⁰. Под строжайшим контролем аппарата обкомов непосредственно районные комитеты ВКП(б) занимались оборудованием и подготовкой пунктов бытового обслуживания колхозников на полях во время сельскохозяйственных компаний.

Правления колхозов не всегда проявляли инициативу в создании элементарных бытовых условий во время полевых работ, а часто ждали, когда руководящие партийные органы позаботятся о создании производственных станов. Если «начальство» не спускало директивы и не действовало, то крестьяне во время полевых работ не имели возможности нормально питаться и отдыхать. Так, в 1931 г. в колхозе «Победа» Мишкинского района Уральской области во время весеннего сева из-за удаленности деревни колхозники питались в основном картофелем, вместо чая пили воду, за продуктами ходили в село, что отвлекало их от полевых работ²¹; в колхозе имени Кали-

нина Шатровского района Челябинской области весной 1937 г. колхозники во время полевых работ вынуждены были принимать пищу и отдыхать под открытым небом²². Только вмешательство властей изменило ситуацию.

В условиях командно-административной системы местные руководители считали своей обязанностью не соблюдение интересов крестьян, а формальный отчет перед вышестоящими органами.

Подобные негативные проявления командно-административной системы можно было видеть в различных сферах бытового обслуживания: в торговле, хлебопечении, общественном питании и др. Строгое регулирование «сверху» структуры и количества бытовых учреждений, мелочный контроль их деятельности лишали инициативы местных руководителей и общественность, не давали возможности в достаточной мере учитывать местные особенности и потребности, приводили к тому, что формальный отчет нижестоящих перед вышестоящими преобладал над заинтересованностью в реальном улучшении быта населения. В середине 1930-х гг. в парткомах появились специальные структуры для руководства вышеназванными сферами – совторготделы, которые дублировали деятельность советских и кооперативных органов.

В условиях регламентации и тотального контроля любые недостатки воспринимались партийно-советским руководством и общественным мнением как проявление вредительской деятельности непосредственных исполнителей. Особенно это характерно для 1937–1938 гг., когда повсеместно шла борьба с «врагами народа», в том числе в сфере бытового обслуживания.

Так, бюро Свердловского обкома ВКП(б) 28 октября 1938г. заключило, что одной из причин плохой работы хлебопекарной промышленности в области является «засоренность личного состава хлебозаводов враждебными элементами»²³. Недоверие и репрессии по отношению к кадрам также не способствовали улучшению работы учреждений сферы бытового обслуживания.

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 8. Д. 159. Л. 83.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1987. Т. 6. С. 184.

³ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО) Ф. П288. Оп. 1. Д. 46. Л. 17–24; Там же. Ф. П371. Оп. 1. Д. 36. Л. 28; Д. 37. Л. 28; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 58. Л. 12–13.

⁴ Центр Документации Научных Исследований Удмуртской Республики (ЦДНИУР). Ф. 16. Оп. 11. Д. 623. Л. 35.

⁵ ОГАЧО. Ф. П288. Оп. 1. Д. 46. Л. 8.

- ⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 971. Л. 7.
- ⁷ УАССР: XV лет автономии. Ижевск, 1935. С. 150.
- ⁸ Подсчитано по данным: Государственный архив Свердловской области (ГА-СО). Ф. 1813. Оп. 1. Д. 164, 165.
- ⁹ Уральская новая деревня. 1929. № 12–13. С. 30.
- ¹⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 29. Л. 52.
- ¹¹ Подсчитано по данным: Там же. Оп. 9. Д. 937. Л. 16.
- ¹² Центральный государственный архив общественных организаций Республики Башкортостан (ЦГАООРБ). Ф. 122. Оп. 12. Д. 454. Л. 17; Удмуртия за 15 лет в цифрах. 1921–1935. Ижевск, 1935. С. 158
- ¹³ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2952. Л. 229.
- ¹⁴ Там же. Ф. 922. Оп. 1. Д. 178. Л. 5.
- ¹⁵ Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2952. Л. 230.
- ¹⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 82. Л. 22.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Колхозный путь. 1937. 6 сентября.
- ¹⁹ Подсчитано по данным: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 374. Оп. 8. Д. 20. Л. 8, 32, 58.
- ²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 17. Л. 245; ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 4. Л. 19; Центр Документации Научных Исследований Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф. 371. Оп. 1. Д. 22. Л. 22; Удмуртская правда. 1939. 20 января и др.
- ²¹ ГАСО. Ф. 922. Оп. 1. Д. 178. Л. 14.
- ²² Колхозный фронт. 1937. 28 апреля.
- ²³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 104. Л. 6.

Л. Н. Мартюшов, И. Л. Мартюшова

Развитие здравоохранения на Урале в 1960–1980-е гг.

Здоровье населения является важнейшей социальной проблемой для каждой страны. В Советском Союзе уже в 1920-е гг. была создана высокоэффективная государственная система здравоохранения. Ее основными принципами были государственность, плановость осуществления широкомасштабных оздоровительных мер, бесплатность и доступность медицинской помощи и услуг по профилактике болезней, профилактическая направленность системы здравоохранения, опора на медицинскую науку, отдающую все большие открытия, осуществляя тем самым их апробацию. Не случайно, начиная с 1940-х гг., в разных странах были созданы модели медицины, базирующейся на аналогичных принципах (национализация медицины, системы страховой медицины и др.).

Однако, в середине 1960-х – 1970-е гг. перед здравоохранением встали принципиально новые задачи. Благодаря успехам медицины из причин, определяющих смертность населения, практически ис-